

УДК 81'1

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-2/09>

М.Р. Галиева

ТЕОЛИНГВИСТИКА: К ОБОСНОВАНИЮ ТЕРМИНА

Аннотация. Целью настоящей статьи является попытка обоснования целесообразности использования термина «теолингвистика» для номинации новой лингвистической дисциплины, направленной на исследование взаимодействия языка и религии. Как показал критический анализ теоретической литературы посвященной изучению взаимодействия языка и религии в лингвистической литературе наблюдается большой терминологический разнобой и использование различных терминов, таких как: религиозный язык, сакральный язык, язык веры, богослужебный язык, религиозно-проповеднический стиль, религиозный стиль, церковно-религиозный стиль, библейский стиль, конфессиональный стиль, духовная речь, религиозная коммуникация, православная лингвистика, религиолект, теолингвистика. Это обусловлено следующими причинами: 1) сложностью и многоаспектностью объекта исследования, которое должно учитывать данные двух сфер знания: лингвистики и теологии; 2) размытостью предметной и объектной области изучения языковых единиц в рамках дисциплины, изучающей взаимодействие языка и религии; 3) неопределенностью статуса и номинации дисциплины призванной изучать проблематику взаимосвязи языка и религии; 4) разнобоем терминологического аппарата и метаязыка дисциплины, направленной на изучение языка и религии. Научная новизна исследования обусловлена рассмотрением и проведением критического анализа ряда лингвистических терминов, оперируемых в теоретической литературе при исследовании проблемы взаимосвязи языка и религии. Результаты проведенного анализа лингвистической литературы по данной проблеме показывают, что в лингвистической науке наблюдается: 1) использование многообразных терминов при обозначении проблемы исследования взаимодействия языка и религии; 2) неоднозначность интерпретации того или иного лингвистического термина; 3) необходимость разработки единой терминологии в области исследований взаимосвязи языка и религии.

Ключевые слова: теолингвистика; язык; религия; религиозный язык; стиль; жанр

Сведения об авторе: Маргарита Рафаэловна Галиева, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и английской литературы, Узбекский государственный университет мировых языков, ORCID: 0000-0002-4325-4612.

Контактная информация: 100185, Узбекистан, г. Ташкент, ул. Кичик Халка Йули, квартал Г9А, д. 21А, Узбекский государственный университет мировых языков, тел.: +998901676756, m.galieva@uzswlu.uz

M.R. Galiyeva

THEOLINGUISTICS: JUSTIFICATION OF THE TERM

Abstract. The article aims to substantiate the expediency of using the term “Theolinguistics” for the nomination of a new linguistic discipline aimed at studying the interaction of language and religion. Critical analysis of theoretical literature has shown great terminological differences in linguistic works devoted to the study of language and religion such as: religious language, sacred language, the faith language, liturgical language, religious-preaching style, religious style, church-religious style, biblical style, ; confessional style, spiritual speech, religious communication, orthodox linguistics, religiolect, and Theolinguistics. This is conditioned by the following reasons: 1) the complex and multidimensional character of research, which should take into account the data of two spheres of knowledge: linguistics and theology; 2) blurring boundaries between object and subject of language units under study within the discipline investigating the problems language and religion interaction; 3) the uncertainty of the status and nomination of the discipline, aimed to study the relationships between language and religion; 4) inconsistency in the terminological apparatus and metalanguage of the discipline aimed to study the correlations between language and religion.

The scientific novelty of the study is conditioned by critical analysis of a number of linguistic terms used in the theoretical research and scientific literature done in the framework of studying the relationships between language and religion. The results of the analysis of the linguistic literature on this issue show that in linguistic science the followings can be observed: 1) the usage of diverse terms in the researches aimed at studying the interaction of language and religion; 2) the ambiguity in the interpretation of a particular linguistic term used to indicate scientific problem related to language and religion interaction; 3) the need to develop a unified terminology in the field of research aimed to investigate the relationships between language and religion.

Keywords: Theolinguistics; language; religion; religious language; style; genre; discipline

About the author: Margarita Rafaelovna Galieva, Doctor of Science in Philology, Professor, Head of Department, Department of Linguistics and English Literature, Uzbek State University of World languages, ORCID: 0000-0002-4325-4612.

Contact information: 100173, 21A. G-9A, St. Kichik Halqa yoli, Tashkent, Uzbekistan, tel.: +998901676756, m.galieva@uzswlu.uz

Галиева М.Р. Теолингвистика: к обоснованию термина // Нижневартковский филологический вестник. 2022. №2. С. 113-125. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-2/09>

Galiyeva M.R. (2022). Theolinguistics: Justification of the Term. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 113-125. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-2/09>

Целью данной статьи является рассмотрение и критический анализ терминологической неоднозначности при выборе определённого конкретного термина для номинации лингвистической дисциплины, изучающей взаимодействие языка и религии, что свидетельствует, с одной стороны, о неопределённости статуса данной лингвистической науки в языкознании, а с другой – о многомерности, многогранности и многоаспектности данной проблемы, что и обусловило возникновение разнообразных, порою противоречивых точек зрения и мнений. Это объясняется по мнению В.И. Постоваловой тем, что если «в таких дисциплинах, как психолингвистика, лингвокультурология и др., объединяются в одном мыслительном пространстве представления из дисциплин, принадлежащих одной сфере познания (наука), то в теолингвистике объединяются представления из дисциплин, принадлежащих разным («нерядоположенным») сферам познания. А именно в ней объединяются лингвистические представления из сферы науки и теологические представления из сферы богословия (религии)» (Постовалова 2012: 29).

Как показал обзор лингвистической терминологии, связанной с проблемой номинации дисциплины, изучающей взаимосвязь языка и религии, в научной литературе встречаются различные термины, обозначающие ту или область исследования этой проблематики: *религиозный язык* (Alston 2005; Bajerowa, Puzynina 2000; Scott 2013); *сакральный язык, язык сакрума* (Kolakowski 1991); *язык веры* (Gazalles, Deforme 1975); *богослужебный язык* (Кончаревич 2004; Кравецкий 1994); *религиозно-проповеднический стиль* (Крысин 1996; Гостеева 1997; Гольберг 2002); *религиозный стиль* (Прохватилова 2006; Mistrik 1992; Wojtak 1992); *церковно-религиозный* (Крылова, 2003); *библейский стиль* (Beńkowska, 2002); *конфессиональный стиль; религиозно-просветительский* (Майданова 1999); *религиозный дискурс* (Карасик 1999; Бобырева 2007); *религиозная коммуникация* (Розанова 2005); *православная лингвистика, православно-христианская лингвистика* (Постовалова 2012; Чевела 2010), *религиолект* (Бугаева 2010); *теолингвистика* (Гадомский 2005; Постовалова 2012; Crystal 2018; Noppen 1981; Галиева 2018). О многообразии терминов, неоднозначности их значений свидетельствуют и статьи А.К. Гадомского, в которых автор предпринимает ряд попыток упорядочивания и систематизации терминологии, используемой при исследованиях, посвященных взаимодействию языка и религии (Гадомский 2005, 2006, 2008, 2010).

В целях освещения проблемы терминологии, рассмотрим ряд терминов, предложенных исследователями. Анализ теоретической литературы с позиций функциональной стилистики для номинации направления, изучающего стилистические особенности религиозного языка, показал, что исследователи используют различные терминологические сочетания, которые вызывают наши возражения. Так, термины «религиозно-проповеднический стиль», «церковно-религиозный стиль», «богослужебный стиль», по мнению ряда исследователей, являются ограниченными. Содержание термина «религиозно-проповеднический стиль», введённый Л.П. Крысиным, ограничивается жанром проповеди, тогда как в названиях остальных функциональных стилей нет жанровой составляющей (Бугаева 2010; Крылова

2003; Прохватилова 2006). Термин «церковно-религиозный стиль», был признан неудачным О.А. Прохватиловой, т. к. по её мнению характеризуется тавтологией (Прохватилова 2006). На наш взгляд, данный термин не только является тавтологическим, но и имеет конфессиональную ограниченность (христианство). Термин «богослужебный и литургический стиль» также вызвал возражение, т.к. по мнению И.В. Бугаевой, во-первых, литургия является одной из форм службы наряду с крещением, венчанием, соборованием и др., а во-вторых, богослужение в русской православной церкви осуществляется на церковнославянском (Бугаева 2010).

В свою очередь, также не можем согласиться с рядом предложенных исследователями терминов. Так, термины «церковно-религиозный стиль», «конфессиональный стиль», «библейский стиль» характеризуются религиозной и конфессиональной направленностью (христианство: православие, католицизм), что накладывает определенное ограничение на область исследования. Аналогичным образом, термины «литургический стиль», «молитвенный стиль» содержат жанровую составляющую. Термин «богослужебный стиль» ограничивается рамками языка, используемого во время религиозных служб, проводимых в религиозных заведениях. Однако, по нашему мнению, сфера применения религиозно маркированного языка выходит далеко за рамки религиозного заведения, используясь в различных типах дискурса (художественном, публицистическом, институциональном и др.). Следует также обратить внимание на существующее вариативное использование терминов «религиозный язык – религиозный стиль», «духовная речь – духовный язык», «богослужебный стиль – богослужебный язык», «религиозный язык – язык религии». Так, например, О.А. Прохватилова в своих исследованиях синонимично использует термины «духовная речь» и «религиозный стиль» (Прохватилова 2006), а М. Макуховска термины «религиозный язык» и «религиозный стиль» (Makuchowska 1995, 1999), что свидетельствует о не четких границах данных терминов.

Термины «язык сакрума», «сакральный язык», «язык веры», «культовый язык» также вызывает наше возражение. В настоящее время в мире существует 5 основных религий: ислам, христианство, буддизм, иудаизм, индуизм, в каждой из которых есть свои направления, конфессии, течения, культы. Кроме основных религий также существует ряд более мелких разновидностей религий. Следовательно, для представителей каждой религии есть свой своеобразный язык, почитаемый сакральным: в исламе – арабский, в православии – церковнославянский, в католицизме – латинский, в индуизме – санскрит и т.д. Следует также учитывать, что во многих европейских странах, богослужение ведётся на национальном языке. Исходя из этих рассуждений, считаем, что термины «язык сакрума», «сакральный язык», «язык веры», «культовый язык» не являются корректными, т.к. вера, объединяющая многие конфессии (в особенности христианство) не может иметь единого языка. Сакральный язык может варьироваться в различных языках в зависимости от вероисповедания и национального языка.

Понятие «религиолекта», предложенное И.В. Бугаевой и созданное на основе термина «социолект», возникший из словосочетания социальный диалект (Беликов, Крысин 2001: 47), вызывает наше возражение. Обосновывая выбор термина для обозначения речи верующих, И.В. Бугаева детально рассматривает понятия диалект, социолект, подъязык. Автор отмечает, что термин «диалект» понимается в широком и узком смысле слова. Первому соответствует определение, данное в лингвистическом энциклопедическом словаре (далее – ЛЭС), – «Диалект (от греч. *dialektos* – разговор, говор, наречие) – разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью» (Ярцева, 1990: 132). Сюда относятся профессиональные диалекты, региолекты (Трубинский 1991), социальные диалекты, жаргоны, подъязыки разных наук, идиолекты писателей, разные виды литературной разговорной речи. В узком понимании, к диалекту относятся территориально ограниченные типы языковых состояний: традиционные диалекты, полудиалекты, наречия, говоры (Герд 2000).

Далее исследователь рассуждает о возможности определения речи верующих как подъязыка и языка специальности. Как отмечает автор, традиционно термин подъязык употребляется в исследованиях по функциональной стилистике в рамках научного стиля речи и классифицируется в соответствии с отраслями научного знания как лексическая подсистема (подъязык биологии). Однако, рассматривая данный термин, автор подчёркивает невозможность его использования для обозначения речи верующих по нескольким причинам. Автор считает, что «Если, на первый взгляд, можно признать, что для священников и студентов богословских факультетов и вузов – это профессиональный диалект или подъязык религии, то остается вопрос, как это явление определить для всех остальных верующих, обычных прихожан, миллионов мирян. Таким образом, анализируемые термины не отражают сущности языка верующих, так как, во-первых, для большинства людей вера не является профессией. Количество верующих многократно превышает число клира. Во-вторых, даже у священнослужителей характерные особенности проявляются не только в непринужденной речи на «профессиональные» темы, но и в устных и письменных текстах на самые разные темы в официальной и неофициальной формах общения. В-третьих, возникает вопрос о статусной оценке речи монахов. В-четвертых, подъязыки науки или профессии ограничиваются особенностями терминологического характера и сводятся к максимальному упрощению для фиксации и передачи специальной информации. Таким образом, не представляется правомерным описывать речь верующих как профессиональный жаргон или подъязык» (Бугаева 2010).

Трактовка термина «социолект», по мнению самой же И.В. Бугаевой, неоднозначно. С одной стороны, термин имеет «достаточно прозрачную внутреннюю форму» как «разновидность языка, ограниченная социально, и вписывается в ряд уже существовавших до него терминов, таких как диалект, идиолект» (Ерофеева 2005: 141). С другой стороны, как указано в ЛЭС, «Под социальными диалектами понимают язык определенных социальных групп. Таковы отличающиеся от общенародного языка только лексикой профессиональные

языки охотников, рыболовов, гончаров, сапожников и др.; групповые, или корпоративные, жаргоны или сленги учащихся, студентов, спортсменов, солдат и других, главным образом, молодежных, коллективов; тайные языки, аргосексуализированных элементов, ремесленников-отходников, торговцев. Таковы также варианты общенародного языка, характерные для определенных экономических, кастовых, религиозных и т.п. групп населения» (Ярцева 1990: 133). В.И. Беликов и Л.П. Крысин используют термин социолект как синоним термину жаргон: «Социолектом называют совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной и т.п. – в пределах той или иной подсистемы национального языка» (Беликов, Крысин 2001: 47). Как далее признаёт И.В. Бугаева в научной литературе термин социолект обозначает сниженную разговорную речь не самых элитарных слоев населения, поэтому для характеристики языка православных верующих автор предлагает термин религиолект (религиозный + диалект). Автор считает, что «особенности каждой религии и конфессии проявляются на вербальном и невербальном уровнях. По таким особенностям легко опознаются представители каждой религии, безошибочно определяется речь “своего” и “чужого”. В понимании исследовательницы «религиозный (православный) социолект – это речь группы людей, объединенных ценностными ориентирами и социальной установкой в разных коммуникативных ситуациях» (Бугаева 2010).

Однако на наш взгляд, данный термин не вполне приемлем. Религиозный язык не может считаться ни диалектом, ни социолектом. Речь священнослужителей, как и речь верующих не ограничивается территориальной и социальной общностью, что является основной характеристикой диалекта или социолекта. Так, например, авраамические религии, т.е. ислам, христианство распространены на территории различных стран и континентов. Верующие также не могут быть связаны и социальной общностью, т.к. человек может придерживаться определённого вероисповедания независимо от социального положения.

Термины «православная лингвистика» или «православно-христианская лингвистика» также вызывают наши возражения. Лингвистика, как справедливо отмечает И.В. Бугаева имеет собственный объект исследования, независимый от идеологических и религиозных убеждений ученых (Бугаева 2010). Мы, также считаем данный термин не вполне удачным, т. к. он сужает область исследования проблемы взаимодействия языка и религии и отличается сугубо конфессиональной ориентированностью.

Наиболее широко используемым учёными термином при исследовании взаимодействия языка и религии является термин «религиозный язык», который на наш взгляд, не имеет конкретной дефиниции. По мнению И. Баеровой и Я. Пузыниной в узком смысле слова, религиозный язык – это язык моральной и догматической теологии, а также язык ритуальный (литургический язык в христианстве), язык личных молитв, святых текстов (библия), проповедей, произведений религиозной художественной литературы. В широком значении под религиозным языком подразумевается разговорный язык, содержащий высказывания о боге и отношении людей к Богу, а также язык текстов на религиозную тему – например,

текстов по истории, социологии и психологии религии» (Вајерова, Пузынина, 2000: 19-20). Обобщающим определением является дефиниция, основанная на функции и области его применения: религиозный язык – это «язык, который служит коммуникации в сфере религиозной жизни» (Вајерова, Пузынина, 2000: 19-20; Гадомский 2006).

М. Макуховска, анализируя религиозный язык, смешивает понятия языка и стиля и считает, что религиозный язык должен иметь статус функциональной разновидности в ряду научного, публицистического, разговорного языков (Макуховска 1999: 186). Как справедливо отмечает А.К. Гадомский, религиозный язык может подразделяться на жанры, стили, но никак на языки (Гадомский 2008: 28). Однако, в другой статье, А.К. Гадомский, рассматривая проблему определения религиозного языка, на наш взгляд, также допускает методологическую и терминологическую неточность. Рассуждая о религиозном языке, автор непоследовательно переходит на тему религиозных жанров и проблему их классификации. Ссылаясь на польские исследования религиозного языка, он отмечает, что основными темами являются – 1) условия, в которых используется этот язык; 2) задачи, которые он должен выполнять; 3) широкий спектр разновидностей и разнообразных факторов, обуславливающих представление отдельных текстов. Далее исследователь отмечает, что «Первоначально даже высказывались сомнения, что такой самостоятельный феномен, как религиозный язык существует. В принципе, каждый религиозный жанр можно соотнести с какой-либо светской категорией. И в этом случае, проповедь может быть рассмотрена как публичное выступление; церковные песнопения – как поэзия; а катехизис – всего лишь как текст дидактического содержания» (Гадомский 2006: 188). Если исходить из определения религиозного языка, данного И. Баеровой и Я. Пузыниной как языка моральной и догматической теологии, языка ритуальных текстов (литургический), языка личных молитв, святых текстов (Библия), проповедей и т.д. (Вајерова, Пузынина, 2000: 19-20; Гадомский 2006: 188), то содержание данного термина соответствует содержанию принятого в российском языкознании термина «религиозный стиль» и подразумевает исследования языка, используемого в сакральных текстах и текстах различных религиозных служб.

Следовательно, выделенные А.К. Гадомским (2010) в статье «Русская теолингвистика: история, основные направления исследований» направления теолингвистических исследований осуществляются с позиций функциональной стилистики и являются ничем иным, как исследованиями фонетических, морфологических, синтаксических, лексических особенностей религиозного стиля. Ещё одним доказательством является и то, что эти исследования выполняются на материале различных религиозных текстов (Библии, текстов молитв, проповеди и т. д.).

Таким образом, на наш взгляд, в рассуждениях исследователя наблюдается некоторое противоречие. Определяя теолингвистику как науку, «исследующую проявления религии, которые закрепились и отразились в языке», А.К. Гадомский проявляет неточность в определении её объекта исследования. Выделенные автором направления теолингвистики (фонетика, алфавит, графика, орфография, лексика, семантика, фразеология, ономастика,

словообразование, морфология, синтаксис религиозного языка) подразумевают их изучение на материале различных религиозных текстов (Библии, проповеди, молитвы и т. д.).

Однако, по нашему глубокому убеждению, сформированное автором определение теолингвистики как науки, изучающей «проявления религии, которые закрепились и отразились в языке» (Гадомский, 2004), прежде всего, предполагает исследование отражения религиозного сознания в языковой картине мира. Данное направление предполагает рассмотрение особенностей вербализации, функционирования, концептуальной значимости религиозно маркированных языковых единиц в репрезентации языковой картины мира на материале различных типов текста.

Анализ теоретического материала показал, что это направление по сравнению с первым (изучающим язык религиозных текстов) является менее разработанным. Это обусловлено, на наш взгляд, во-первых, сложностью, многоплановостью и многоаспектностью объекта исследования, а во-вторых тем, что многие лингвисты, изучающие проблему взаимодействия языка и религии, не выделяют данную проблему в качестве самостоятельного раздела языкознания и ограничиваются исследованием её отдельных аспектов в рамках какого-либо одного лингвистического направления: лексики, фразеологии, стилистики, сопоставительной лингвистики, коммуникативной лингвистики, лингвокультурологии, лингвоконцептологии.

Таким образом, допуская возможность лингвистических исследований, выполненных на материале языка определённой религии, считаем, что они должны осуществляться лишь в рамках специальной лингвистической дисциплины, в качестве которой может выступать теолингвистика. Это обусловлено тем, что лингвистическая дисциплина, направленная на изучение взаимосвязи и взаимодействия языка и религии должна обладать универсальным характером и объединять все исследования, в той или иной мере отражающие взаимодействие языка и религии. В связи с этим в языкознании возникает необходимость выделения соответствующей самостоятельной лингвистической дисциплины. На наш взгляд, наиболее приемлемым для обозначения данной лингвистической науки в ряду вышерассмотренных терминов является термин «теолингвистика». Как справедливо отмечает А.К. Гадомский, этот термин «складывается из двух компонентов, подразумевающих, с одной стороны, существование двух автономных областей знания (религии и лингвистики), с другой возможности их соединения» (Гадомский 2004: 65). Эту мысль поддерживает и В.И. Постовалова, которая определяет теолингвистику как «новую синтетическую теолого-лингвистическую дисциплину, направленную на изучение взаимосвязи и взаимодействия (интеракции) языка и религии, возникшую на стыке теологии (богословия), религиозной антропологии и лингвистики» (Постовалова 2012: 58). На наш взгляд, термин «теолингвистика» также является наиболее приемлемым и оптимальным, т.к.:

- обладает междисциплинарным характером номинации (теология + лингвистика);
- не ограничивает исследования определенной религией;
- не имеет конфессиональной направленности;
- не ограничивает область лингвистических исследований (стилистика, дискурс и т. д.);

• чётко обозначает направление лингвистических исследований (религиозно-маркированные единицы любого языкового уровня).

Теолингвистика как самостоятельный раздел языкознания может включать как вышерассмотренные подходы к изучению религиозного языка на материале религиозных текстов (тексты Библии, катехизиса, проповеди, литургии и т.д.), так и ориентироваться на исследование различных проблем, касающихся проблемы языка и религии, используя при этом достижения ряда смежных лингвистических дисциплин, характеризующихся междисциплинарным подходом к исследованию языковых явлений: социолингвистики, психолингвистики, коммуникативной лингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лингвистики текста и др. Перспективными в этом направлении представляются следующие проблемы:

- межуровневая вербализация религиозно-маркированных единиц;
- проблемы категоризации религиозно-маркированных единиц;
- сопоставительные исследования религиозно-маркированных единиц;
- прецедентная значимость религиозных текстов;
- интертекстуальные маркеры религиозного характера;
- репрезентация религиозной картины мира в различных типах дискурса;
- вербализация религиозно-маркированных концептов;
- когнитивные основания религиозно-маркированных единиц;
- лингвокультурологические особенности религиозной картины мира;
- лингвокультурологические особенности религиозно-маркированных единиц;
- символическая значимость религиозно-маркированных единиц в различных типах текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 439 с.
- Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 59 с.
- Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденция развития: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 48 с.
- Гадомский А.К. Стилистический подход к изучению религиозного языка // *Стиль*. 2008. №7. С. 21-36.
- Гадомский А.К. К проблеме определения теолингвистики // *Ученые записки ТНУ. Серия «Филология»*. 2004. Т. 17(56). №1. С. 63-69.
- Гадомский А.К. Религиозный язык или стиль: попытка систематизации терминологии теолингвистики // *Ученые записки ТНУ*. 2006. Т. 19 (58). №2. С. 186-192.
- Гадомский А.К. Русская теолингвистика: история, основные направления исследований // *Стил*. Београд, 2010. №9. С. 357-374.

Гадомский А.К. Теолингвистика: история вопроса // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». Симферополь, ТНУ. 2005. Т. 18 (57). №1. С. 16-25.

Галиева М.Р. Теолингвистика: истоки, направления, перспективы. Ташкент: VneshInvestProm, 2018. 260 с.

Герд А.С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. 2000. Вып. 1. С. 45-52.

Гольберг И.М. Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка: моральные концепты: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. 16 с.

Гостеева С.А. Религиозно-проповеднический стиль в современных СМИ // Журналистика и культура речи. 1997. Вып. 2. С. 87-94.

Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социоллингвистический аспект. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2005. 320 с.

Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999. С. 5-19.

Кончаревич К. Дискуссии о богослужбном языке в Сербской Православной Церкви: исторический обзор и современное состояние // Церковь и время. 2004. №1 (26). С. 29-52.

Кравецкий А.Г. Проблема богослужбного языка на Соборе 1917-18 годов и в последующие десятилетия // Журнал Московской Патриархии. 1994. №2. С. 68-86.

Крылова О.А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 612-616.

Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996. С. 135-138.

Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1990. 685 с.

Майданова Л.М. Религиозно-просветительский текст: стилистика и прагматика // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 172-194.

Постовалова В.И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2012. №4. С. 56-103.

Прохватилова О.А. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2006. Вып. 5. С. 69-79.

Розанова Н.Н. Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь // Крысин Л.П. Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 341-363.

Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Псков, 1991. С. 156-162.

Чевела О.В. Герменевтика литургической поэзии: историко-лингвистическое исследование: Автореф. дисс... д-ра филол. наук. Казань, 2010. 50 с.

Alston W.P. Religious Language // The Oxford Handbook of Philosophy of Religion. Ed. William J. Wainwright. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 220-244.

Bajerowa I., Puzynina J. Język religijny. Aspekt filologiczny // Encyklopedia katolicka. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2000. T. VIII . S. 19-20.

Beńkowska D. Polski styl biblijny. Łódź: Archidiecezjalne Wydawnictwo Łódzkie, 2002. 160 s.

Crystal D. Whatever Happened to Theolinguistics // Religion, Language and Human Mind. New-York: Oxford University Press, 2018. P. 3-18.

Gazalles H., Deforme J. Język wiary w prisme świętym I świecie współczesnym. Warszawa, 1975. 176 s.

Kolakowski L. O wypowiedzianiu niewypowiedzianego: język I sacrum // Język a kultura. T. 4. Funkcje języka I wypowiedzi. Wrocław, 1991. S. 53-63.

Makuchowska M. Miejsce języka religijnego w typologii współczesnych odmian polszczyzny // Old Biblii Wujka do współczesnego języka religijnego. Z okazji 400-lecia wydania Biblii ks. Wujka. Tarnów: Bilos, 1999. S. 176-189.

Makuchowska M. Styl religijny // Przewodnik po stylistyce polskiej. Opole, UO, 1995. S. 449-459.

Mistik J. Religiozty štýl // Stylistyka, I. Opole: UO, 1992. S. 82-89.

Noppen J.P. van. Theolinguistics. Brussels: Studiereeks Tijdschrift Vrije Universiteit Brussel, 1981. №8. P. 1.

Scott M. Religious Language. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 322 p.

Wojtak M. O początkach stylu religijnego w polszczyźnie // Stylistyka I, Opole: UO, 1992. S. 90-97.

REFERENCES

Belikov, V.I., & Krysin, L.P. (2001). Sotsiolingvistika. Moscow. (in Russian).

Bobyreva, E.V. (2007). Religiozniy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya): Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. Volgograd. (in Russian).

Bugaeva, I.V. (2010). Yazyk pravoslavnoi sfery: sovremennoe sostoyanie, tendentsiya razvitiya: Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. Moscow. (in Russian).

Gadomskii, A.K. (2008). Stilisticheskii podkhod k izucheniyu religioznogo yazyka. *Stil*, (7), 21-36. (in Russian).

Gadomskii, A.K. (2004). K probleme opredeleniya teolingvistiki. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya". Simferopol*, 17 (56)(1), 63-69. (in Russian).

Gadomskii, A.K. (2006). Religiozniy yazyk ili stil': popytka sistematizatsii terminologii teolingvistiki. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo*, 19(58)(2), 186-192. (in Russian).

Gadomskii, A.K. (2010). Russkaya teolingvistika: istoriya, osnovnye napravleniya issledovaniy. *Stil*, (9), 357-374. (in Russian).

Gadomskii, A.K. (2005). Teolingvistika: istoriya voprosa. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya"*. 18(57) (1), 16-25. (in Russian).

Galieva, M.R. (2018). Teolingvistika: istoki, napravleniya, perspektivy. Tashkent.

Gerd, A.S. (2000). Neskol'ko zamechaniy kasatel'no ponyatiya "dialect". *Russkii yazyk segodnya*, 1, 45-52. (in Russian).

Gol'berg, I.M. (2002). Religiozno-propovednicheskii stil' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: moral'nye kontsepty: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Moscow. (in Russian).

Gosteeva, S.A. (1997). Religiozno-propovednicheskii stil' v sovremennykh SMI. *Zhurnalistika i kul'tura rechi*, 2, 87-94. (in Russian).

Erofeeva, E.V. (2005). Veroyatnostnaya struktura idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt. Perm. (in Russian).

Karasik, V.I. (1999). Religiozniy diskurs. In *Yazykovaya lichnost': problemy lingvokul'turologii i funktsional'noi semantiki*, Volgograd, 5-19. (in Russian).

Koncharevich, K. (2004). Diskussii o bogoslužebnom yazyke v Serbskoi Pravoslavnoi Tserkvi: istoricheskiy obzor i sovremennoe sostoyanie. *Tserkov' i vremya*, (1 (26)), 29-52. (in Russian).

Kravetskii, A.G. (1994). Problema bogoslužebnogo yazyka na Sobore 1917-18 godov i v posleduyushchie desyatiletia. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, (2), 68-86. (in Russian).

Krylova, O.A. (2003). Tserkovno-religiozniy stil'. In *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka*, Moscow, 612-616. (in Russian).

Krysin, L.P. (1996). Religiozno-propovednicheskii stil' i ego mesto v funktsional'no-stilisticheskoi paradigme sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. In *Poetika. Stilistika. Yazyk i kul'tura*, Moscow. 135-138. (in Russian).

Yartseva, V.N. (1990). Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. Moscow. (in Russian).

Maidanova, L.M. (1999). Religiozno-prosvetitel'skii tekst: stilistika i pragmatika. In *Russkii yazyk v kontekste kul'tury*, Ekaterinburg, 172-194. (in Russian).

Postovalova, V.I. (2012). Teolingvistika v sovremennom gumanitarnom poznanii: istoki, osnovnye idei i napravleniya. *Nauchno-pedagogicheskii zhurnal Vostochnoi Sibiri Magister Dixit*, (4), 56-103. (in Russian).

Prokhvatilova, O.A. (2006). Ekstralingvisticheskie parametry i yazykovye kharakteristiki religioznogo stilya. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 5, 69-79. (in Russian).

Rozanova, N.N. (2003). Sfera religioznoi kommunikatsii: khramovaya propoved' . In Krysin L.P. *Sovremennyi russkii yazyk. Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya*. Moscow, 341-363. (in Russian).

Trubinskii, V.I. (1991). *Sovremennye russkie regiolekty: primety stanovleniya*. In *Pskovskie govory i ikh okruzhenie*, Pskov, 156-162. (in Russian).

Chevela, O.V. (2010). *Germenevtika liturgicheskoi poezii: istoriko-lingvisticheskoe issledovanie: Avtoref. diss... d-ra filol. nauk*. Kazan. (in Russian).

Alston W.P. *Religious Language // The Oxford Handbook of Philosophy of Religion*. Ed. William J. Wainwright. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 220-244.

Bajerowa I., Puzynina J. *Język religijny. Aspekt filologiczny // Encyklopedia katolicka*. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2000. T. VIII . S. 19-20.

Beńkowska D. *Polski styl biblijny*. Łódź: Archidiecezjalne Wydawnictwo Łódzkie, 2002. 160 s.

Crystal D. *Whatever Happened to Theolinguistics // Religion, Language and Human Mind*. New-York: Oxford University Press, 2018. P. 3-18.

Gazalles H., Deforme J. *Język wiary w prisme świętym I świecie współczesnym*. Warszawa, 1975. 176 s.

Kolakowski L. *O wypowiedaniu niewypowiedzianego: język I sacrum // Język a kultura*. T. 4. Funkcje języka I wypowiedzi. Wrocław, 1991. S. 53-63.

Makuchowska M. *Miejsce języka religijnego w typologii współczesnych odmian polszczyzny // Old Biblii Wujka do współczesnego języka religijnego. Z okazji 400-lecia wydania Biblii ks. Wujka*. Tarnow: Bilos, 1999. S. 176-189.

Makuchowska M. *Styl religijny // Przewodnik po stylistyce polskiej*. Opole, UO, 1995. S. 449-459.

Mistrik J. *Religiózny štýl // Stylistyka, I*. Opole: UO, 1992. S. 82-89.

Noppen J.P. van. *Theolinguistics*. Brussels: Studiereeks Tijdschrift Vrije Universiteit Brussel, 1981. №8. P. 1.

Scott M. *Religious Language*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 322 p.

Wojtak M. *O początkach stylu religijnego w polszczyźnie // Stylistyka I*, Opole: UO, 1992. S. 90-97.

Дата поступления: 11.10.2022

Дата принятия: 21.10.2022

© Галиева М.Р., 2022